

DOI: 10.53737/2713-2021.2024.72.24.020

С.В. Язиков

**МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ДЕТАЛИ ЩИТОВ
ИЗ МОГИЛЬНИКОВ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ФРОНТОВОЕ 3 И КИЛЬ-ДЕРЕ 1***

В научный оборот вводятся находки трёх щитовых умбонов и их рукоятей из могил 41 и 136 некрополя Фронтное 3 и могилы 245 могильника Киль-Дере 1 (Юго-Западный Крым, окрестности Севастополя). Два умбона из Фронтного 3 относятся к типу К1, а рукояти — к типу S1, форме 2 по Цилингу. Умбон из Киль-Дере 1 принадлежит типу К2, рукоять — типу X по Цилингу. Детали щитов свидетельствуют, что все трое погребённых были воинами-всадниками. Находки относятся к позднему периоду существования памятников — IV в. н. э. В этом хронологическом отрезке появились погребения с боевыми щитами, имеющими значение характерного маркера связей населения Крыма с народами Севера. Трансформация римской армии, связанная с варваризацией, коснулась и Крыма, входившего в сферу интересов Римской империи.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, римское время, могильник Фронтное 3, могильник Киль-Дере 1, умбоны, манипула, погребение, погребальный обряд.

Сведения об авторе: Язиков Сергей Владимирович, Институт археологии РАН.

Контактная информация: 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru.

S.V. Yazikov

**METAL PARTS OF SHIELDS
FROM THE ROMAN PERIOD BURIAL GROUNDS FRONTOVOE 3 AND KIL-DERE 1**

Three shield bosses (umboes) equipped with shield grips are published that were found in the graves 41 and 136 of the burial ground Frontovoe 3 and in the grave 245 of the burial ground Kil-Dere 1. Both sites are located in Southwestern Crimea, near Sevastopol. Two shield bosses from Frontovoe 3 are of the K1 Type, and their grips belong to the S1 Type, Form 2, after Ziling. The umbo from Kil-Dere 1 is of the K2 Type, and the grip is of the X Type, after Ziling. Based on these finds, the burials are interpreted as graves of warrior horsemen who were buried there during the late chronological phase of the formation of the sites, i.e. in the 4th century CE. It was during this very period that the graves often contained battle shields, which are now excellent indicators of the relationship between the Crimean population and the peoples of the North. They demonstrate the transformation of the Roman army as a result of the barbarization of terrains under the control of the Roman Empire, and Crimea in particular.

Key words: South-Western Crimea, Roman times, Frontovoye burial ground 3, Kil-dere 1 burial ground 1, umbones, maniple, burial, funeral rite.

About the author: Yazikov Sergey Vladimirovich, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: 117292, Russian Federation, Moscow, Dmitriya Ulyanova street, 19, Institute of Archeology RAS, e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00396-П, «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур»).

Могильник Фронтное 3, расположенный вблизи поселка Фронтное в Нахимовском районе г. Севастополя и исследованный в 2018 г., датируется концом I — началом V в. н.э. Некрополь оказался абсолютно не тронут грабителями. Всего было изучено 332 могилы. Погребальные сооружения представлены четырьмя типами: подбойные захоронения, грунтовые склепы, грунтовые могилы с перекрытием из каменных плит, а также погребение в амфоре (Свиридов, Языкков 2019: 186). Детали щитов находились среди погребального инвентаря в двух грунтовых склепах — 41 и 136.

В 2019 г. в ходе разведки под строительство автодороги Таврида на участке перехода через реку Черная на безымянном холме ее левого берега был выявлен могильник Киль-Дере 1 в Нахимовском районе г. Севастополь. Он датируется I—IV вв. н.э. Памятник подвергся сильному систематическому ограблению — из 421 могилы нетронутыми остались 29 могильных комплексов. Погребальные сооружения представлены в основном подбойными захоронениями с одним или двумя подбоями. Вторым по распространённости типом могильных конструкций являются погребения в грунтовых ямах. В 13 случаях погребение совершалось в каменных ящиках. Также на могильнике Киль-Дере 1 было обнаружено 4 кремации в амфоре (Языкков, Свиридов 2022а: 136). Умбон с рукоятью находились в каменном ящике могилы 245.

Умбон — металлическая накладка, размещенная посередине щита. Судя по всему, помимо функции защиты руки воина, такая деталь увеличивала общую прочность всего щита. При наличии шипа в центральной части умбона, с помощью такого щита можно было атаковать, а не только защищаться. Умбоны изготавливались из железа, бронзы, латуни, имели различные формы — округлые, прямоугольные. В центре имела выпуклая часть — калотта, прикрывавшая отверстие для ручки — манипулы.

Умбоны из некрополей Фронтное 3 и Киль-Дере 1 относятся к двум вариантам одного типа с отличиями в форме калотты и наличием горизонтальной каннелюры. находка из могильника Киль-Дере 1 имеет полусферическую форму калотты и каннелюр — тип K2 (Zieling 1989: 123)¹, а оба умбона из могильника Фронтное 3 — коническую калотту, каннелюра отсутствует — тип K1 (Zieling 1989: 121). Рукояти из некрополя Фронтное 3 к типу S1 форма 2 по Цилингу, а манипула из могильника Киль-Дере 1 — к типу X по Цилингу (Zieling 1989: 210, 225—227).

Как уже было сказано выше, металлические детали щитов были обнаружены всего в трех могилах: в грунтовых склепах 41 и 136 могильника Фронтное 3 и в каменном ящике могилы 245 некрополя Киль-Дере 1. Остановимся подробно на каждой находке.

Могильник Фронтное 3

Могила 41

Грунтовый склеп обнаружен в юго-восточной части могильника Фронтное 3, камера имела прямоугольную форму размером 325×280 см и находилась к западу от входной ямы.

Вдоль южной стенки погребальной камеры был похоронен мужчина старше 45 лет. Антропологический анализ² показал наличие у него прижизненных травм ключицы, переломов парных локтевых костей. Погребенный располагался вытянуто на спине головой на восток — юго-восток, в районе его ног зафиксировано скопление компактно уложенных костей другого взрослого индивида — женщины 30-39 лет.

Железный умбон щита находился около западной стенки погребальной камеры (рис. 1: 1), поставленный на ребро с небольшим наклоном в сторону стенки камеры и обращенный

¹ В данной работе для определения типов умбонов и манипул используется классификация Н. Цилинга, которая на сегодняшний день является наиболее актуальной (Zieling 1989).

² Обработку антропологического материала проводили М.В. Добровольская и Н.Г. Свиридина, за что им огромное спасибо.

выпуклой стороной к стенке. Умбон (№ 839³) относится к типу K1 по Н. Цилингу (Zieling 1989: 121) (рис. 1: 1). Он имеет диаметр 21,5 см, его высота 6,9 см. Рант широкий, наклонный, шейка также сужается кверху, калотта сфероконической формы, слегка закругляется сверху. Н. Цилинг датирует данный тип K 1 периодом C2/C3 (260—375 гг.), но также он мог бытовать и в период D (360—410 гг.), согласно хронологии европейского Барбарикума (Zieling 1989: 123—124).

Между умбоном и лепным кувшином лежала железная рукоять щита, ориентированная по линии север — юг (рис. 1: 2) Манипула (№ 840) — тип S1 форма 2 по форме окончания напоминает «веер» (Zieling 1989: 210, 211, Taf. 28: 2) (рис. 1: 2), рукоять щита имела длину 21 см, ширину 7,4 см, была изготовлена из железной пластины полусферической формы с расширяющимися концами и крепилась к щиту при помощи заклепок, точное их количество установить не удалось.

Помимо этих предметов, погребение сопровождалось богатым комплексом находок. За головой погребенного находилось краснолаковое блюдо (рис. 1: 4) с массивным, отогнутым горизонтально наружу венчиком, на низком кольцевом поддоне, оно датируется от середины до конца IV в. н.э. (Arsen'eva, Domžalski 2002: 426). Внутри блюда находились фрагменты стакана из прозрачного стекла с валикообразным венчиком, на кольцевом поддоне (рис. 1: 5). Сосуды такой формы были широко распространены в Юго-Западном Крыму, например, на могильнике Совхоз 10 или на могильнике Дружное (форма 108 по К. Айсингс) (Храпунов 2002: 56, рис. 99: 8; Стрежелецкий и др. 2003—2004: 122). Согласно К. Айсингс, подобные сосуды появляются в III в. н.э., но наибольшее распространение получают в IV в. н.э. (Isings 1957: 134).

Рядом с блюдом располагались две стеклянные колбы со сферическим туловом и вогнутым дном. Один из сосудов в верхней части горла декорирован несколькими горизонтальными стеклянными нитями (рис. 1: 6, 7). Схожие по форме сосуды были обнаружены на могильниках Дружное и Нейзац (Храпунов 2002: рис. 89: 2, 112: 7; Шабанов 2011: рис. 106: 62—65), относятся к форме 101 по К. Айсингс, датирующейся III—IV вв. н.э. (Isings 1957: 119).

Также в склепе 41 найдено оружие ближнего боя: железный меч в деревянных ножнах (рис. 1: 8), железный кинжал (рис. 1: 9) и детали конской упряжи с кольцевыми псалиями. Железный меч в деревянных ножнах, имел размеры: длина клинка 78 см, черенка 12 см, лезвие имеет линзовидное сечение шириной у пяты 5,5 см, сужается к острию. Меч морфологически близок к типу 2 по классификации А. М. Хазанова, имеет треугольное основание клинка и датируется II—IV вв. н.э. (Хазанов 1971: 17) (рис. 1: 8). К такому типу относятся находки из могильника Озерное 3, а также из могилы №37 Инкерманского некрополя (Веймарн 1957: рис 3, 6; Лобода 1977: рис 1: 4, 10). Кинжал также относится к типу 2 по Хазанову и имеет размер: клинок длиной 33 см и черенок 6,5 см. Сечение клинка линзовидное шириной у пяты 4,5 см. (рис. 1: 9) (Хазанов 1971: 17).

В центральной части грудной клетки погребенного зафиксированы фрагменты серебряной подвязной, двучленной, фибулы типа Амброз группы 16 подгруппы 2, серии 1, которые датируются IV в. н.э. (Амброз 1966: 66) (рис. 1: 12). Аналогичные застежки происходят из могильника Дружное (Храпунов 2002: рис. 104: 14).

Обнаружена серебряная пряжка с овальной рамкой и овальным щитком, с тремя заклепками (рис. 1: 10). Данный тип пряжек широко распространен в Крыму в IV в. Аналогии представлены на могильниках Дружное и Озерное 3 (Лобода 1977: рис 4: 5; Храпунов 2002: 48;). По классификации В. Ю. Малашева ее можно отнести к типу П 10 (Малашев 2000: 196). Бронзовая монета Лициния, фоллис, Гераклея, 313 г. чеканки (рис. 1: 11).

В северо-восточном секторе дна погребальной камеры, ближе к центральной части зафиксирована светлоглиняная узкогорлая позднегераклеяская амфора с дипинти, варианта CIVF по С.Ю. Внукову (рис. 1: 3). По его мнению, данный тип стал поступать в Крым не ранее конца III в. н.э. и ввозился до начала V в. н.э. (Внуков 2016: 43). Аналогичные амфоры были обнаружены в подбойной могиле и склепах № 1 и № 2 на некрополе Озерное, в склепе № 1 Инкерманского

³ Здесь и далее номера по полевой описи.

могильника в ходе работ 1940 г., в могилах на северо-восточном участке могильника Киль-Дере 1 (Стржелецкий 1947: рис 7; Лобода 1977: рис 1: 7, 5: 6, 6: 3; Языков, Свиридов 2022: рис 6: 1).

Исходя из вышеизложенного, можно с большой вероятностью считать, что погребение было совершено в период второй трети IV в. н.э.

Умбоны

Аналогии в Крыму. Находки в погребениях 181 (1902 г.) и 154 (1904 г.) из Керчи М.М. Казанский относит к типу K1 (Kazanski 1994: fig. 2: 21, 22). Известен умбон в могиле № 3 некрополя Чатыр-Даг, его диаметр 19,0 см, высота 7,5 см (Мыц и др. 2006: таб. 7: 4). Авторы работы приводят ему параллели из Норвегии и Шлезвиг-Гольштинии и относят к типу Va по Я. Бёманну (Bemann, Nahne 1999: 463; Мыц и др. 2006: 151). При этом исследователи считают, что данный умбон морфологически близок к типу K1 по Н. Цилингу. Могила 3 некрополя Чатыр-Даг по совокупности обнаруженного материала датируется второй половиной III — началом IV вв. н.э.

В Белогорском районе (п. Некрасово) в грабительском отвале были найдены фрагменты умбона, после реставрации которого определены размеры: диаметр 26,35 см и высота 9 см. Отличительной особенностью данного экземпляра, являются 9 бронзовых заклепок с высокими сфероидными накладками на шляпке, возможно, ранее позолоченные (Захаров и др. 2018: рис. 10). Авторы статьи относят данную находку также к типу K1 и датируют периодом C3/D1 (350/360—400/410 гг.).

На могильнике Сувлу-Кая в склепах № 10 и № 25 находились два умбона с рукоятями, которые, как и в склепах из Фронтного 3, были прислонены к стене погребальной камеры. Первый экземпляр имел размеры: диаметр 20,5 см, высоту 10 см; второй — диаметром 22,2 см и высотой 9,5 см. Погребения датируются концом IV — началом V вв. н.э. (Волошинов, Масыкин 2022: рис. 13: 1, 6, 7)⁴. Умбоны из Сувлу-Кая также относятся к типу K1.

В материалах некрополя Пантикапея известны (раскопки 2000—2002 гг.) четыре железных умбона щитов (Лысенко, Юрочкин 2004: 126). Экземпляры из склепов № 4, 5, 115 авторы относят к типам K1 и K2, но отмечают, что они сохранились неполностью. Исходя из реконструкции, предложенной авторами, сложно с уверенностью говорить о принадлежности данных фрагментов к определенным типам.

Находки за пределами Крыма. Умбон из Абхазии с широкими полями и сфероконической калоттой (Шапка-Абгыздраху, погребение 54) морфологически близок к типу K1 (Казанский 2015: рис. 1: 18). В контексте черняховской культуры известны находки двух умбонов из Могошани (Mogoshani) и Компанийцев. Они также имеют широкий рант и цилиндрическую калотту (Магомедов, Левада 1996: рис. 4: 1, 9). Погребение № 2 А могильника Жабинец (Zabinets), что находится на территории Польши, относится к пшеворской культуре (Zieling 1989: Taf. 14: 2). В могильнике самбийско-натангийской культуры Путилово 2-Гаутен на Самбийском полуострове в погребении 22 обнаружен умбон с рукоятью (Скворцов 2022: таб. 146: 1). Он был помещен в могилу куполом вниз, имел шесть заклепок и рукоять, в погребении использовался как емкость, в которой были обнаружены сложенные после кремации вещи. Его размеры — диаметр 23,9 см, высота 10,4 см (Скворцов 2022: 227). Находки данного типа умбонов зафиксированы у германцев Центральной Европы и на территории между Одером и Эльбой, а также в Скандинавии и Балтии. По мнению М.М. Казанского, это свидетельствует в пользу германского происхождения типа K1. Экземпляры, происходящие с территории Ближнего и Среднего Востока, могут быть римскими прототипами (Kazanski 1994: 440—441).

⁴ Выражаю благодарность А.А. Волошинову, М.М. Казанскому и В.В. Масыкину за личные консультации в ходе работы над статьей.

Манипулы

Рукояти щитов, подобной формы как в могиле 41 некрополя Фронтowego, были распространены в Барбарикуме в регионах к востоку от Эльбы. Большая часть находок происходит из Польши и Силезии, меньшая — из Бранденбурга и районов Нижней Эльбы. Находки из Украины можно рассматривать как импорт из пшеворской культуры. Некоторые находки данного типа происходят из Северной Европы (Zieling 1989: 211). М.М. Казанский указывает также на возможное германское происхождение типа S1, отмечая, что находки данного типа манипул практически не известны в восточной части Римской империи (Kazanski 1994: 449). Согласно Н. Цилингу, время их бытования с позднеримской эпохи и, возможно, в фазу С2 (260—310 гг.), также они присутствуют в погребениях, датированных периодом С2—С3 (260—375 гг.) (Zieling 1989: Tabl. 2; Kazanski 1994: 449).

На территории Крымского полуострова только один схожий вариант рукояти был обнаружен в погребении 154 в Керчи в 1904 г. (Kazanski 1994: 449). Чаще они встречаются среди находок черняховской культуры (3 экземпляра); манипула из Компанийцев обнаружена вместе с умбоном типа Цилинг К1 (Магомедов, Левада 1996: рис. 4: 2, 4, 8). Данный тип металлических рукоятей щитов найден в абхазских погребениях: на могильнике Шапка-Абгыздраху в погребении 54, могильнике Цибилуим 1 в погребениях 17, 41, 61, 119, 349. Абхазские комплексы датируются эпохой Великого переселения народов (Казанский 2015: 44). На могильнике Путилово 2-Гаутен также с умбоном типа К1 присутствовала схожей формы манипула (Скворцов 2022: таб. 146: 1). Судя по находкам, данная форма была широко распространена на территории Самбии и Натангии (Радюш, Скворцов 2008: 122). Авторы работы составили подробный перечень зафиксированных находок деталей щитов в регионе.

Мои́ла 136

Грунтовый склеп обнаружен в восточной части могильника Фронтowego 3. Погребальная камера прямоугольной формы, размером 300×230 см в придонной части. Дромос имел длину до 30 см. Вход в него перекрывала известковая плита. Ступенька отсутствовала. Входная яма имела подпрямоугольную форму, длиной 460 см, ширина доходила до 55 см.

На дне камеры выявлено 5 костяков, расположенных параллельно друг другу вытянуто на спине, перпендикулярно длинной оси склепа. Сохранность плохая, практически все кости представлены тленом, что усложнило определение пола и возраста. Нумерация костяков велась от дромоса. У всех погребенных в ногах и за головой обнаружены следы деревянного тлена, скорее всего, захоронение осуществлялось в деревянных колодах или гробах.

В юго-западном углу камеры, за головой погребенного №5 находился железный умбон щита, прислоненный к стене склепа (рис. 2: 1), и рукоять от щита, обнаруженная рядом с ним (рис. 2: 2). Умбон №1695 типа К1 (Zieling 1989: 121) имеет классическую форму диаметром 22 см и высотой 8 см. Рант широкий, конический, шейка также сужается кверху, калотта конической формы. Манипула № 1696 типа S1 формы 2 (Zieling 1989: 210) имела длину 17,3 см и ширину 4,8 см, изготовлена из железной пластины с расширяющимися концами, имеющими форму веера. С каждой стороны имелось по паре гвоздей для крепления (аналогии и датировки смотреть выше, в описании склепа № 41).

В склепе вместе с погребенными находилось большое количество инвентаря:

- Светлоглиняные узкогорлые, позднегераклейские амфоры (рис. 2: 3) представлены пятью экземплярами (аналогии и датировки смотреть выше, в описании склепа № 41). Краснолаковое блюдо (рис. 2: 6) относится к понтийской группе. Данный вариант был широко представлен (13 экз.) на могильнике Фронтowego 3 (Суханов и др. 2021: 441). Датировается с середины IV — до середины V в. (Arsen'eva, Domzalski 2002: 426). Второе краснолаковое блюдо (рис. 2: 5) с массивным, отогнутым горизонтально наружу венчиком, на низком кольцевом поддоне датировается серединой — концом IV в. н.э. (Arsen'eva, Domzalski 2002: 426). Краснолаковая

миска (рис. 2: 7) имеет неправильную полусферическую форму с коротким загнутым внутрь бортиком, на кольцевом поддоне. Данные миски были популярны в первой половине — середине IV в. (Суханов и др. 2021: 452). Три светильника имеют каплевидную форму (рис. 2: 17, 18, 19) они близки к «биконическим светильникам» Причерноморья, которые датируются концом III—IV вв. н.э. (Chrzanovski, Zhuravlev 1998: 141, 142, там же приведены аналогии).

- Колба из зеленоватого стекла (рис. 2: 11) идентична находкам из склепа № 41 (анalogии и датировки смотреть выше). Стакан из прозрачного стекла с отогнутыми наружу валикообразным венчиком, на кольцевом поддоне, фрагментированный (рис. 2: 9) (анalogии и датировки смотреть выше, в описании склепа № 41). Два представленных стеклянных кувшина из склепа (рис. 2: 8, 10) обладают характерными признаками: тулово орнаментировано тонкими нитями стекла, дно на кольцевом поддоне, ручка профилирована тремя валиками и крепится одним концом к тулову сосуда в нижней части, другим — к горлу и венчику. Подобные сосуды широко распространены на памятниках IV в. в Крыму (см. подробнее Шабанов 2011: 154—157).

- Бронзовая, подвзаяная, двучленная фибула (рис. 2: 14), вторая фибула имеет схожие детали с незначительными различиями (рис. 2: 15). Третья фибула, также бронзовая, но спинка фасетированная (рис. 2: 16). Все они относятся к группе 16 подгруппе 2, южные фибулы 1 серии, согласно классификации А. К. Амброза (Амброз 1966: 66), как и фибула из склепа № 41. Бронзовая пряжка с уступом у основания язычка также аналогична находке из склепа № 41 (анalogии и датировки смотреть выше) (рис. 2: 13).

- Восьмеркообразные, еще их называют грибовидные, янтарные бусы-подвески (рис. 2: 12). были распространены в Крыму во второй половине III—IV вв., основное время бытования получают в IV в. (Мастыкова 2016: 173, аналогии там же). По мнению А.А. Стояновой, данные подвески указывают на контакты германцев с местным населением (Стоянова 2004: 293). Железный короткий меч был обнаружен за головой погребенного № 5 при разборе инвентаря, имел длину 49 см и ширину лезвия 4,2 см. Основание клинка имеет прямой угол с рукоятью-штырем. Его можно отнести к типу 3 по классификации А. М. Хазанова (Хазанов 1971: 17). В III—IV вв. мечи этого типа становятся массивнее и шире, сечение приближается к ромбическому (Хазанов 1971: 21). Такими же характеристиками обладают находки мечей из могильника Нейзац (Храпунов 2010: 535). С внешней стороны левого плеча погребенного расчищены железные удила с кольцевыми псалиями.

Исходя из вышеизложенного, можно с большой вероятностью считать, что погребение было совершено в период второй трети IV в.

Могильник Киль-Дере 1

Могила 245

Стоит отметить уникальность для памятников Юго-Западного Крыма погребений в каменных ящиках на могильнике Киль-Дере 1.⁵

Могила была разрушена грабительским шурфом, в ней обнаружен каменный ящик с фрагментами плит крышки. Размеры каменного ящика составили 1,97×0,58 м, высота стен — 0,5 м. На дне его были обнаружены разрозненные останки погребенного мужчины возрастом 20—55 лет. Рядом с ними находились фрагменты умбона и манипулы в сильно фрагментированном состоянии (28 фр.)⁶. Там же была обнаружена бронзовая монета Антонина Пия⁷, период чеканки 143—144 гг. н.э. (рис. 3: 6).

Умбон № 1315 типа К 2 (Zieling 1989: 123—124. Там же аналогии) (рис. 3: 1) имеет полусферическую калотту и горизонтальную каннелюру у основания, рант конический. Один из

⁵ Более подробно данный тип могильных сооружений рассмотрен в статье (Язиков, Свиридов 2022б: 46—64).

⁶ Реставрацией умбона и манипулы занималась реставратор высшей категории С.С. Шимкус, за что ей крайне благодарен.

⁷ Благодарность Е.И. Рузаевой за определение монет из могильника Киль-Дере 1.

краев ранта загнут, возможно носил ритуальный характер. Диаметр умбона 18,3 см, высота 6,2 см, рант меньше, чем у экземпляров с Фронтowego 3, имеются четыре отверстия для крепления к деревянной части щита. Данный вариант морфологически схож с вариантом К 1, но имеет меньшие по размеру поля. Также его можно было бы отнести к варианту Н 2 (Zieling 1989: 102—104). Основные признаки типа Н 2: низкая сфероконическая калотта, слегка заостренная, слабо выраженное горизонтальное углубление у основания и довольно широкие поля. Ближайшие аналогии — находка умбона на Ай-Годорском могильнике (Харакс) (Kazanski 1994: 438, fig 2: 6). Наш экземпляр обладает ярко выраженной каннелюрой и другими характерными признаками типа К 2. Ближе всего — находка из Торнби (Tornby) (1870) с полусферической калоттой (Zieling 1989: taf. 14: 124: 4). Исследователи датируют данный тип временем С2/С3 (260—375 гг.) и не исключают его бытование в период D 1 (360/370—400/410 гг.). Также считается наиболее вероятным германское происхождение данного варианта, и форма, типичная для Скандинавии, откуда она распространилась по другим территориям (Zieling 1989: 123—124; Kazanski 1994: 439—440).

Рукоять типа Х из могилы 245 некрополя Киль-Дере 1 (Zieling 1989: 225—227) (рис. 3: 2) имела длину 15,7 см, ширину 3—5,2 см, изготовлена из железной пластины с расширяющимися концами, имеющими трапециевидную форму. Место хвата рукояти профилированное, вогнуто-выпуклое. Судя по двум сохранившимся отверстиям на краях ранта умбона, манипула крепилась при помощи двух заклепок. Исследователи выделяют три варианта данного типа, исходя из количества крепежных заклепок — от 1 до 3 на каждой из сторон. Н. Цилинг в своей работе, говоря о времени бытования типа Х, относит один экземпляр к периоду В 2 (70/80—160/170 гг.), остальные — к С1—С3 (180/200—250/270, 300/320-350/370 гг.). М.М. Казанский, говоря о распространении данного типа в Понтийском регионе, на основании датировок комплексов, где они были обнаружены, делает вывод о бытовании их в начале периода Великого переселения народов (Zieling 1989: 226; Kazanski 1994: 451).

Между южной торцевой стенкой каменного ящика и стеной могильной ямы, было расчищено скопление предметов погребального инвентаря, расположенных *in situ*. У торцевой стены зафиксировано краснолаковое блюдо (рис. 3: 3), с усеченно-коническим туловом на кольцевом поддоне; которое относится к распространенной разновидности понтийской краснолаковой посуды, датируется серединой IV до середины V вв. (Arsen'eva, Domzalski 2002: 426). По материалам могильника Фронтowego 3 блюда подобной формы датируются в пределах первой половины — середины IV века (Суханов и др. 2021: 452, рис. 2: 1—13).

Вплотную к блюду, с южной его стороны находилась кость животного. Сверху кости лежал железный нож. С востока от блюда рядом друг с другом располагались два стеклянных сосуда (рис. 3: 4, 5). Первый — стакан (рис. 3: 4), относится к форме 96 по К. Айсингс. По ее мнению, подобные сосуды появляются в III в. н.э. и широко распространяются в IV в. н.э. (Isings 1957: 113). Из ближайших памятников известны аналогии среди погребений IV в. В некрополе Озерное 3 (Лобода 1977: 242, 250, рис. 3), а также среди погребений второй половины III — IV вв. н.э. на могильниках Дружное и Фронтowego 3 (Храпунов 2002: 20—21, рис. 99: 8; Гавритухин и др. 2020: рис. 4: 9). Второй — кубок (рис. 3: 5) может быть отнесен к форме 108 по К. Айсингс и датируется концом III — IV вв. Он похож на сосуд из могилы №119 некрополя Киль-Дере 1 (Язиков, Свиридов 2022: рис. 2: 12), лишь имеет отличие в виде вогнутого дна. Аналогичный сосуд был обнаружен в подбойной могиле № 224 могильника Нейзац (Шабанов 2011: рис. 2: 14). Могила может быть датирована IV в. н.э.

Аналогии в Крыму. Умбон данного типа был обнаружен в склепе №2 могильника Озерное 3, располагался в юго-западной части камеры, у стены, за головой погребенного. Погребение сопровождалось инвентарем времени С3 (300/320—350/370 гг.) и монетой Лициния (308—324 гг.). Умбон имел диаметр 22,5 см и высоту 9 см (Лобода 1977: 245, рис 6: 21, 22). В своей работе Н. Цилинг упоминает данный экземпляр, указывая на его германское происхождение, и отмечает, что его диаметр больше, чем у остальных умбонов данного типа (Zieling 1989: 123, 124). К типу К 2 также относится умбон из склепа 19/7 Сиреневой бухты (Масленников 1997: рис. 44, 45).

Находки за пределами Крыма. На левобережье Нижнего Дуная в кургане 17 могильника Курчи обнаружен железный умбон с рукоятью, морфологически близкий находке из некрополя Киль-Дере 1. Он имел полусферическую калотгу, канелюр и плоский рант, что нехарактерно для типа К 2, однако, это могло быть вызвано и деформацией щита (Симоненко 2010: 150, рис. 121а: 1—1б). Нередки находки данного варианта умбона в могильниках Абхазии — в погребениях 41, 223, стадии II (320/330—400/410 гг.), 60, 61, стадии III (380/400—440/450 гг.) могильника Цибилиум 1, Апушта, Лар в погребении 12, а также в погребении 25/38 Шапка-Апианча стадии III. М.М. Казанский в своей статье подробно описывает их, указывая, что они были распространены среди позднеимперского вооружения на территории Балкан, Градац/Saldum, Свищов/Novae, а также Ближнего Востока (Казанский 2015: 42). Помимо этого, они являются одним из распространённых типов на территории Самбии в период С2 (250/260—300/320 гг.) римского времени (Радюш, Скворцов 2008: 126). Умбоны типа К 2 были типичны для Скандинавии, находки данной формы происходят из Ютландии, Фюнена, Готланда и т.д. (Zieling 1989: 124). Находкой, морфологически самой близкой к найденной на Киль-Дере 1, является манипула из погребения 3 могильника Чатыр-Даг; она также имела две заклепки для крепления. Также с территории Абхазии: могильник Шапка-Абгыдзраху, могила 6 и могилы 104 Цибилиум 1 (Мыц и др., 2006: таб. 7: 5; Kazanski 1994: 451). В Крыму этот тип, но другие его варианты представлены экземплярами с могильников Озерное 3 и Ай-Тодор (Лобода 1977: 245, рис 6: 21, 22; Kazanski 1994: fig 5: 16) и одним экземпляром из Керчи (Kazanski 1994: 451, fig 5: 18). Известны находки на территориях черняховской культуры (Магомедов, Левада 1996: рис. 4: 6, 14, 15), цебельдинской культуры (Kazanski 1994: 451, Fig 5: 10,11,13,17,19-26), пшеворской культуры (Godlowski 1994: Abb. 1: 60—61, 67). В работе Н. Цилинга говорится о 43 известных экземплярах, ареал распространения которых охватывает территорию пшеворской культуры у германцев Центральной и Северной Европы. Также автор отмечает относительно частое появление типа Х (4 экз.) на побережье Черного моря, что связывает с импортом или подражанием из пшеворской культуры (Zieling 1989: 225—226).

* * *

В связи с тем, что могильнику Фронтное 3 удалось избежать участи быть разграбленным, как немногим другим некрополям Крыма, мы можем довольно детально реконструировать снаряжение воинов. У погребенного из могилы 41 присутствует длинный меч, характерный для всадников, что подтверждается наличием конской упряжи, короткий меч (рис. 1: 9), который мог являться и наконечником копья, как показано в реконструкции (рис. 4). В могиле 136 этого же могильника у погребенного № 5 также присутствуют удила и меч длиной 50 см. Каменный ящик могилы 245 могильника Киль-Дере 1 был частично ограблен, среди находок присутствуют детали меча, пара коротких ножей и фрагменты удила.

Всех троих погребенных можно отнести к всадникам с полным набором вооружения. Возможно, они относились к группе профессиональных воинов, приближенной к вождю дружины. Не каждый воин мог позволить себе иметь такой набор вооружения — это следует из того, что погребения с таким набором экипировки более не встречаются на могильниках Фронтное 3 и Киль-Дере 1. Также должна была соответствовать высокому уровню или статусу, определенный социальный уровень/ранг и его военная подготовка.

Как мы видим, в IV в. н.э. обряд помещения щита в могилу уже был характерен как для Крыма, в частности, так и для всего Северного Причерноморья, включая и территорию Абхазии. М.М. Казанский, при рассмотрении наиболее ранних погребальных комплексов со щитами в Северном и Восточном Причерноморье предложил три причины появления этого обряда: первая — это, исходя из археологических данных, проникновение во II в. н.э. носителей германской культуры в Крым; вторая — влияние фракийских воинских обычаев на погребальный обряд Крыма в связи с размещением в Херсонесе римских легионов, в состав которых входили фракийские вспомогательные части; третья — воздействие

аристократической культуры эллинизированного римского Востока (Казанский 2018: 136). Находки щитов во II в. н.э. очень редки, ситуация меняется к середине III в., что связано с началом Скифских войн и миграцией германских племен в Северное Причерноморье, для которых наличие щитов в погребениях было распространено (Šćukin 1993: 326; Каргопольцев, Бажан 1992: 118). Данный обряд хорошо фиксируется в кельтских, германских культурах Западной и Центральной Европы, от которых он попадает в римское время к фракийцам, балтам, прибалтийским финнам и оказывается на понтийских берегах (Казанский 2018: 133). Находки умбонов, относящихся к III в., происходят из могил 152 и 306 некрополя Нейзац. И. Н. Храпунов считает, что они появились в Крыму еще до готских походов (Храпунов 2010: 551). На могильнике Бельбек 1 фрагменты щитов обнаружены в трех могилах второй половины — конца III в., сохранность которых, к сожалению, оставляет желать лучшего, что осложняет определение их типов (Журавлев и др. 2021: 34, 67, 73).

В пределах Римской империи и на ее границах в поздний период происходят изменения, связанные с армией, а именно варваризация, вместе с которой римские легионы берут на вооружение как тактику, так и оружие соседствующих народов. Как мы видим, данные изменения коснулись и территории Крыма. М.Б. Щукин считает, что возрождение ранних форм варварских умбонов во второй половине — конце IV в. н.э. является свидетельством смены тактики боя от сомкнутого строя к индивидуальному, о чем, по его мнению, также говорит наличие коротких мечей-кинжалов с вырезами у основания, которые могли использоваться как вспомогательное оружие (Щукин 2011: 177). Нельзя точно сказать представителями какого войска были погребенные на могильниках Фронтное 3 и Киль-Дере 1, было ли это местное население, получившее данное вооружение вследствие торговых, культурных контактов или добычи в ходе набегов на соседние территории (германцами, готами, римлянами, аланами и т.д.) или это было пришлое население, которое хоронило своих умерших по своему обряду. Мужчина из могилы 41 по изотопному соотношению стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr} = 0,708473$)⁸ в эмали зуба оказывается в пределах значений других индивидов из могильника Фронтное 3, что может указывать на общность территории на которой родились и провели детство (Добровольская и др. 2023). Исследование изотопного состава азота и углерода костной ткани и стронция эмали, ряда индивидов из могильников Киль-Дере 1 и Фронтное 3, показало, что редких индивидов можно отнести к мигрантам первого поколения (Добровольская и др. 2023: 150). Однако на основании археологических данных мы можем подметить ряд моментов. В IV в. н.э. происходят изменения в вооружении воинов Крыма, происходит милитаризация общества. Исследователи отмечают, что различные виды оружия встречаются намного чаще в могилах IV в., чем в предшествующих веках (Храпунов 2010: 552; Волошинов, Масыкин 2022: 157). Также обращает на себя внимание факт, что основная часть вооружения, в том числе и щитов, была обнаружена в склепах, которые в это время распространяются по территории Крыма.

Литература

- Амброз А.К. 1966. *Фибулы юга европейской части СССР*. Москва: Наука (САИ Д1-30).
- Веймарн Е.В. 1957. Раскопки Инкерманского могильника в 1948г. В: Шульц П.Н. (отв. ред.). *История и археология древнего Крыма*. Киев: АН УССР, 219—232.
- Внуков С.Ю. 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *РА* 2, 36—47.
- Волошинов А.А., Масыкин В.В. 2022. Могильник Сувлу-Кая III — первой половины V в. в юго-западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря. В: Масыкова А.В.,

⁸ Количественное определение вариаций стронция производилось в Центре изотопных исследований Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А.П. Карпинского. Анализ результатов произведен М.В. Добровольской и Н.Г. Свиркиной.

- Хайрединова Э.А. (отв.ред.). Могильник римского времени Фронтное-3: варвары на границах Империи. Москва: ИА РАН, 146—173.
- Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2020. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму. *РА* 2, 91—110.
- Добровольская и др. 2023: Добровольская М.В., Свиридина Н.Г., Язиков С.В. Свиридов А.Н., 2023. Образ жизни детей и взрослых варварской округи Херсонеса (по материалам могильников Фронтное 3 и Киль-Дере 1. *Stratum plus* 4, 139—154.
- Шукин М.Б., 2011. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения). *Stratum plus* 4, 167—178.
- Журавлев Д.В., Фирсов К.Б., Бельский С.В. 2021. Могильник Бельбек 1 и курган у Братского кладбища в Юго-Западном Крыму: археологические раскопки Н.М. Печёнкина в 1903—1905 гг. *Гераклейский сборник. Материалы и источники по изучению хоры Херсонеса Таврического V*.
- Захаров В.А., Лобанов В.И., Шаров О.В. 2018. Германское погребение в Восточном Крыму. Реставрация и предварительная атрибуция находок. *БИ XXXVII*, 225—245.
- Казанский М.М. 2015. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов. *Scripta Antiqua* 4, 33—60.
- Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А. 1992. Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (К вопросу о хронологии и исторической интерпретации). *ПАВ* 2, 113—126.
- Лобода И.И. 1977. Раскопки могильника Озёрное III в 1963—1965 гг. *СА* 4, 236—252.
- Лысенко Л.В., Юрочкин В.Ю. 2004. Некрополь Пантикапея—Боспора (по материалам исследований 2000—2002 гг.). В: Мыц В.Л. *О древностях южного берега Крыма и гор Таврических*. Киев: Стилоз.
- Магомедов Б.В., Левада М.Е. 1996. Оружие черняховской культуры. *МАИЭТ V*, 304—323.
- Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. В: Гугуев Ю.К. (отв. ред.). *Сарматы и их соседи на Дону*. Ростов-на-Дону: Терра, 194—232.
- Мастыкова А.В. 2016. О происхождении янтарных грибовидных бус-подвесок римского времени в Понто-Кавказском регионе. *Stratum plus* 4, 173—190.
- Мыц и др. 2006: Мыц В.Л., Лысенко А.В., Шукин М.Б., Шаров О.В. 2006. *Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Радюш О.А., Скворцов К.В. 2008. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры В: Карнап-Борнхайм К. и др. (ред.). *Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Germania—Sarmatia*. Калининград: Янтарный сказ, 122—157.
- Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2019. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму. *КСИА* 255, 185—201.
- Симоненко А.В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История.
- Скворцов К.Н. 2022. *Элитные погребения эллинов в эпоху Великого переселения народов*. Москва: ИА РАН (Материалы спасательных археологических исследований 29).
- Стойнова А.А. 2021. Об одном типе наборов бус из женских погребений римского времени предгорного Крыма. *ПИФК* 4, 92—120.
- Стржелецкий В.Ф. 1941. Раскопки в Инкермане в 1940 г. *СА IX*, 283—302.
- Суханов Е.В., Гавритухин И.О., Нессель В.А. 2021. Краснолаковая керамика второй половины III — начала V в. из могильника Фронтное 3. *КСИА* 263, 441—456.
- Хазанов А.М. 1971. *Очерки военного дела сарматов*. Москва. Наука.
- Храпунов И.Н. 2002. *Могильник Дружное (III—IV вв. нашей эры)*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodzkiej.
- Храпунов И.Н. 2010. Оружие из могильника Нейзац. *Monumenta archaeologica Barbarica series gemina*. Т. II. Lodz; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica, 535—555.
- Шабанов С.Б. 2011. Стекланные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996—2011 гг.). *МАИЭТ XVII*, 141—191.
- Язиков С.В., Свиридов А.Н. 2022а. Могильник римского времени Киль-Дере 1. Итоги полевых исследований. В: Мастыкова А.В., Хайрединова Э.А. (отв.ред.). *Могильник римского времени Фронтное-3: варвары на границах Империи*. Москва. ИА РАН, 136—145.
- Язиков С.В., Свиридов А.Н. 2022б. Каменные ящики могильника Киль-Дере 1. *КСИА*. 268, 46—64.
- Arsen'eva T.M., Domialski K. 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua* 8, 415—491.

- Bemann J., Hahne G. 1999. Waffenführende Grabinventare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Skandinavien. *Studien zur Ordnungsanhand der norwegischen Funde. Bericht der RGK 75*, 283—640.
- Chrzanowski L., Zhuravlev D. 1998. *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum Moscow*. Roma: L'erma di Bretschneider.
- Godłowski K. 1994. Die Chronologie der germanischen Waffengräber in der jüngeren und späten Kaiserzeit. In Carnap-Bornheim C. v. (Hrsg.). *Beiträge zur römischer und bar-barischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg, 169—178.
- Isings C. 1957. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen: J.B. Wolters.
- Kazanski M. 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion. In: Carnap-Bornheim C. v. (Hrsg.). *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Akten des 2. Internationalen Kolloquiums in Marburg a. d. Lahn, 20. bis 24. Februar 1994. Marburger Kolloquium 1994*. Marburg; Lublin: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität, 429—485.
- Ščukin M.B. 1993. À propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (D'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) In: Vallet F., Kazanski M. (eds.). *L'armée romaine et les Barbares du IVe au VIIe siècle. Actes de colloque international*. Rouen: Assotiation française d'archéologie mérovingienne; Saint Germain en Laye: Musée des Antiquités nationales, 323—334.
- Zieling N., 1989. *Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène- und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien*. Oxford: B.A.R (BAR. International Series 505).

References

- Ambroz, A.K. 1966. *Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR (Fibulae of the South of the European Part of the USSR)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-30) (in Russian).
- Veimarn, E.V. 1957. In: Shults, P.N. (ed.). *Istoriya i arkeologiya drevnego Kryma (History and archeology of ancient Crimea)*. Kyiv: AN USSR, 219—232 (in Russian).
- Vnukov, S.Yu. 2016. In *Rossyskaya arkeologiya (Russian archaeology)* 2, 36—47 (in Russian).
- Voloshinov, A.A., Masyakin, V.V. 2022. In: Mastykova, A.V., Khayredinova, E.A. (eds.). *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoye-3: varvary na granitsakh Imperii (The Frontovoye-3 Roman burial ground: barbarians on the borders of the Empire)*. Moscow: IA RAN, 146—173 (in Russian).
- Gavritukhin, I.O., Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2020. In *Rossyskaya arkeologiya (Russian archaeology)* 2, 91—110 (in Russian).
- Dobrovol'skaya et al. 2023: Dobrovol'skaya, M.V., Svirikina, N.G., Yazikov, S.V. Sviridov, A.N., 2023. In *Stratum plus* 4, 139—154 (in Russian).
- Shchukin, M.B., 2011. In *Stratum plus* 4, 167—178 (in Russian).
- Zhuravlev, D.V., Firsov, K.B., Bel'skiy, S.V. 2021. In *Gerakleyskiy sbornik. Materialy i istochniki po izucheniyu khory Khersonesa Tavricheskogo (Heracleian collection. Materials and sources for the study of the chora of Tauric Chersonesos)* V (in Russian).
- Zakharov, V.A., Lobanov, V.I., Sharov, O.V. 2018. In *Bosporskiye issledovaniya (Bosporan Studies)* XXXVII, 225—245 (in Russian).
- Kazanski, M.M. 2015. In *Scripta Antiqua* 4, 33—60 (in Russian).
- Kargopol'tsev, S.Yu., Bazhanm, I.A. 1992. In *Peterburgskiy arkeologicheskii vestnik (Petersburg Archaeological Bulletin)* 2, 113—126 (in Russian).
- Loboda, I.I. 1977. In *Sovetskaya arkeologiya (Soviet Archaeology)* 4, 236—252 (in Russian).
- Lysenko, L.V., Yurochkin, V.Yu. 2004. In: Myts, V.L. *O drevnostyakh yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (On the Antiquities of the Southern Coast of Crimea and the Tauride Mountains)*. Kyiv: Stilos (in Russian).
- Magomedov, B.V., Levada, M.E. 1996. In *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history, ethnography of Tavria)* V, 304—323 (in Russian).
- Malashev, V.Yu. 2000. In: Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and Their Neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: Terra, 194—232 (in Russian).
- Mastykova, A.V. 2016. In *Stratum plus* 4, 173—190 (in Russian).

- Myts et al. 2006: Myts, V.L., Lysenko, A.V., Shchukin, M.B., Sharov, O.V. 2006. *Chatyr-Dag — nekropol' rimskoy epokhi v Krymu (Chatyr-Dag — a Roman-era necropolis in Crimea)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).
- Radyush, O.A., Skvortsov, K.V. 2008. In: Karnap-Bornkhaym, K. et al. (eds.). *Drevnosti Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy epokhi rimskogo vliyaniya i pereseleniya narodov. Germania—Sarmatia (Antiquities of Central and Eastern Europe in the era of Roman influence and migration of peoples. Germania—Sarmatia)*. Kaliningrad: Yantarnyy skaz, 122—157 (in Russian).
- Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2019. In *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 255, 185—201 (in Russian).
- Simonenko, A.V. 2010. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian horsemen of the Northern Black Sea region)*. Saint Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya (in Russian).
- Skvortsov, K.N. 2022. *Elitnye pogrebeniya estiyev v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (Elite burials of the Aestii during the Great Migration Period)*. Moscow: IA RAN (Materials of rescue archaeological research 29) (in Russian).
- Stoyanova, A.A. 2021. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* 4, 92—120 (in Russian).
- Strzheletskiy, V.F. 1941. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* IX, 283—302 (in Russian).
- Sukhanov, E.V., Gavritukhin, I.O., Nessel', V.A. 2021. In *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 263, 441—456 (in Russian).
- Khazanov, A.M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on the military affairs of the Sarmatians)*. Moscow. Nauka (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2002. *Mogil'nik Druzhnoe (III—IV vv. nashey ery) (The burial ground Druzhnoe (3rd — 4th centuries CE))*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skiadjiwskiej (in Russian).
- Khrapunov, I.N. 2010. In: *Monumenta archaeologica Barbarica series gemina*. T. II. Lodz; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica, 535—555 (in Russian).
- Shabanov, S.B. 2011. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history, ethnography of Tavria)* XVII, 141—191 (in Russian).
- Yazikov, S.V., Sviridov, A.N. 2022a. In: Mastykova, A.V., Khayredinova, E.A. (eds.). *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoye-3: varvary na graniitsakh Imperii (The Frontovoye-3 Roman burial ground: barbarians on the borders of the Empire)*. Moscow: IA RAN, 136—145 (in Russian).
- Yazikov, S.V., Sviridov, A.N. 2022b. In *Kratkie soobshheniya Instituta arheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)*. 268, 46—64 (in Russian).
- Arsen'eva, T.M., Domialski, K. 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua* 8, 415—491.
- Bemann, J., Hahne, G. 1999. Waffenführende Grabinventare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Skandinavien. *Studien zur Ordnunganhand der norwegischen Funde. Bericht der RGK* 75, 283—640.
- Chrzanovski, L., Zhuravlev, D. 1998. *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum Moscow*. Roma: L'erma di Bretschneider.
- Godłowski, K. 1994. Die Chronologie der germanischen Waffengräber in der jüngeren und späten Kaiserzeit. In Carnap-Bornheim, C. v. (Hrsg.). *Beiträge zur römischer und bar-barischer Bewaffung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Phillips-Universität Marburg, 169—178.
- Isings, C. 1957. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen: J.B. Wolters.
- Kazanski, M. 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion. In: Carnap-Bornheim, C. v. (Hrsg.). *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Akten des 2. Internationalen Kolloquiums in Marburg a. d. Lahn, 20. bis 24. Februar 1994. Marburger Kolloquium 1994*. Marburg; Lublin: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität, 429—485.
- Ščukin, M.B. 1993. À propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (D'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) In: Vallet, F., Kazanski, M. (eds.). *L'armée romaine et les Barbares du IVe au VIIe siècle. Actes de colloque international*. Rouen: Assotiation française d'archéologie mérovingienne; Saint Germain en Laye: Musée des Antiquités nationales, 323—334.
- Zieling, N. 1989. *Studien zu germanischen Schildcn der Spätlatène- und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien*. Oxford: B.A.R (BAR. International Series 505).

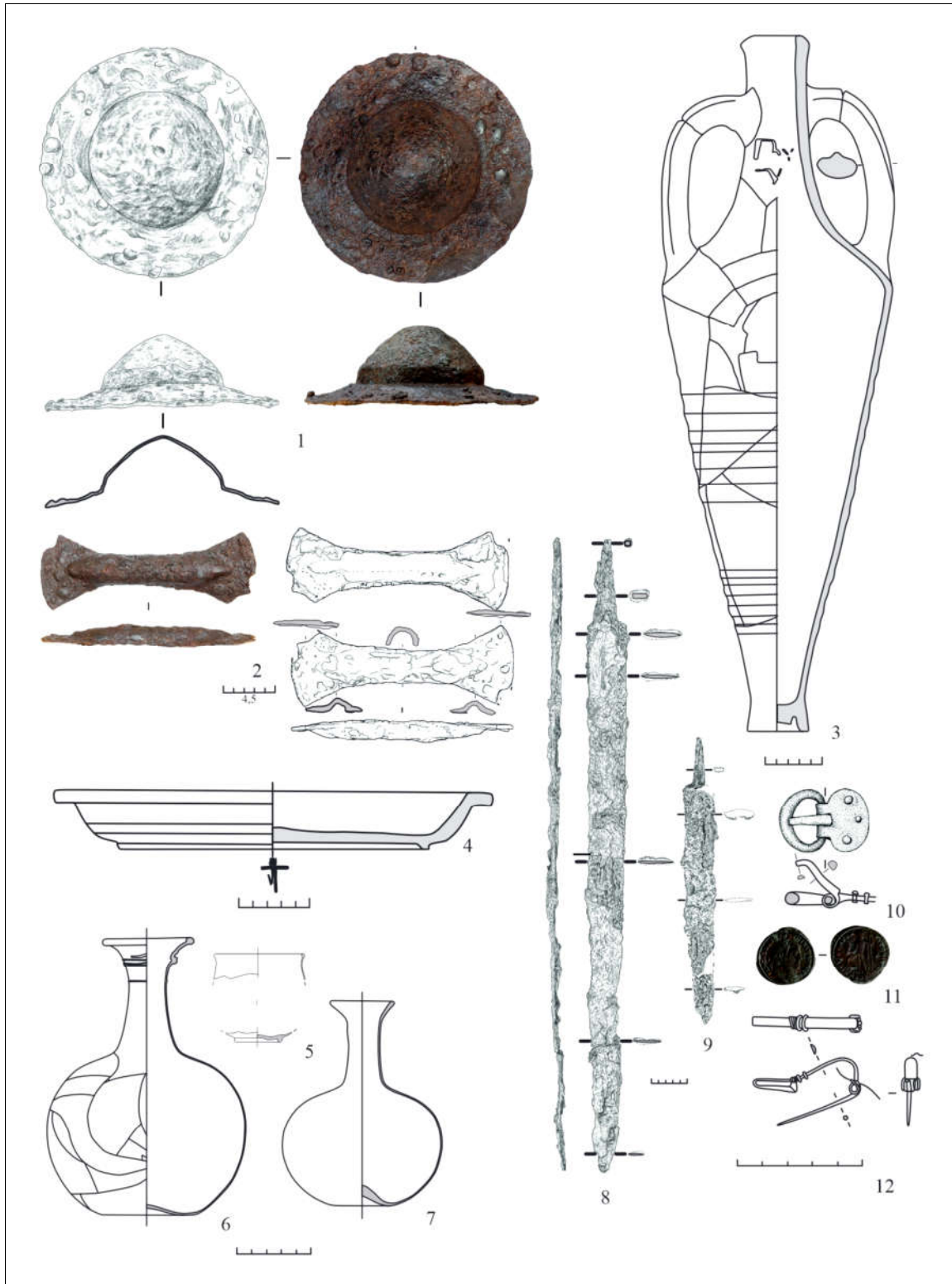

Рис. 1. Находки из могилы № 41 могильника Фронтвое 3. 1 — умбон железный; 2 — манипула железная; 3 — амфора; 4 — блюдо краснолаковое; 5 — стакана стеклянного фрагменты; 6 — колба стеклянная; 7 — колба стеклянная; 8 — меч железный; 9 — кинжал железный; 10 — пряжка бронзовая; 11 — монета бронзовая; 12 — фибула серебряная.

Fig. 1. Finds from grave No. 41 of the necropolis Frontovoe 3. 1 — iron umbron; 2 — iron maniple; 3 — amphora; 4 — red-lacquer dish; 5 — glass fragments; 6 — glass flask; 7 — glass flask; 8 — iron sword; 9 — iron dagger; 10 — bronze buckle; 11 — bronze coin; 12 — silver fibula.

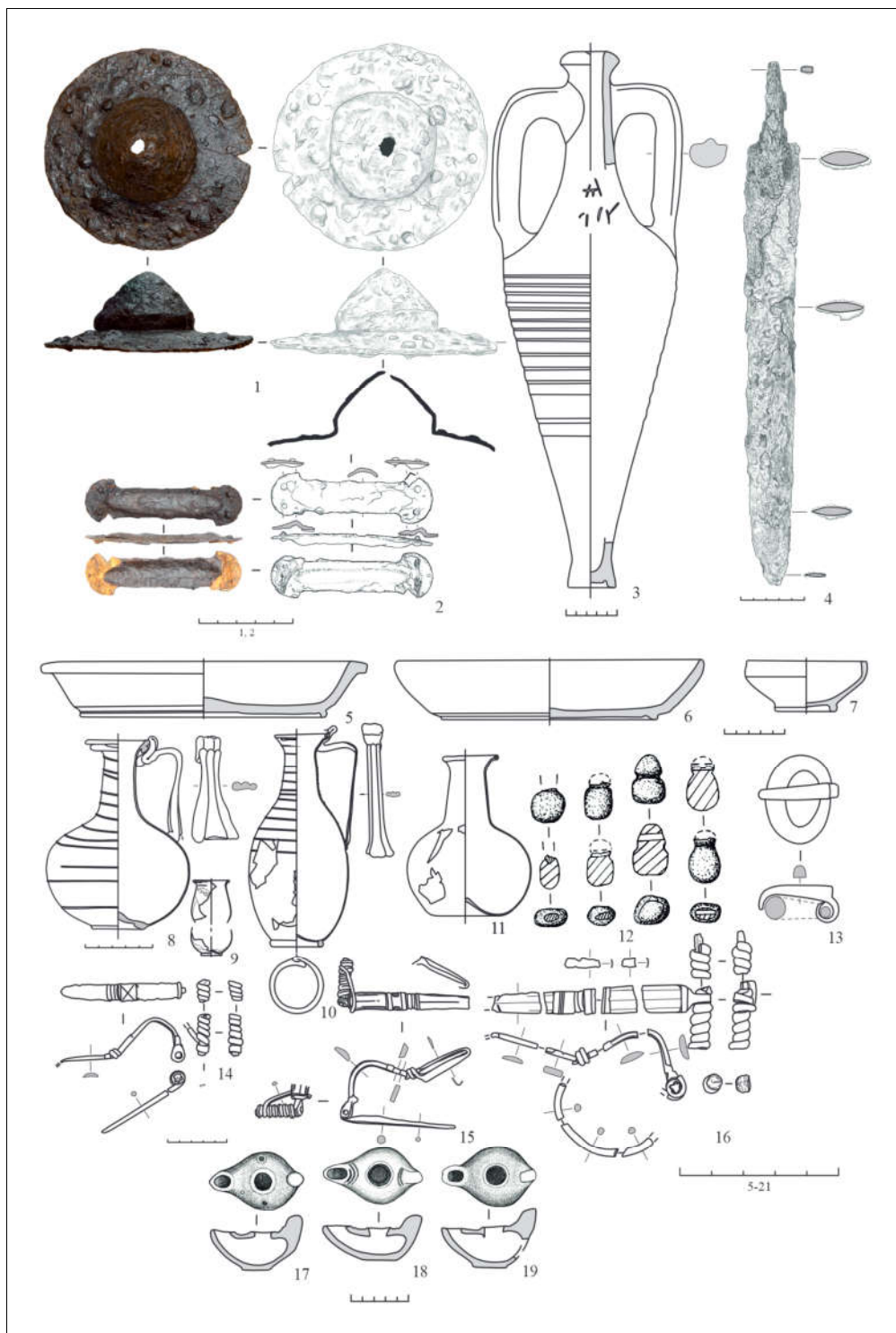

Рис. 2. Находки из могилы № 136 могильника Фронтное 3. 1 — умбон железный; 2 — манипула железная; 3 — амфора; 4 — меч железный; 5 — блюдо краснолаковое; 6 — блюдо краснолаковое; 7 — миска краснолаковая; 8 — кувшин стеклянный; 9 — стакан стеклянный; 10 — кувшин стеклянный; 11 — колба стеклянная; 12 — бусы янтарные; 13 — пряжка бронзовая; 14 — фибула бронзовая; 15 — фибула бронзовая; 15 — фибула бронзовая; 17—19 — светильники краснолаковые.

Fig. 2. Finds from grave No. 136 of the necropolis Frontovoe 3. 1 — iron umbon; 2 — iron manipule; 3 — amphora; 4 — iron sword; 5 — red-lacquer dish; 6 — red-lacquer dish; 7 — red-lacquer bowl; 8 — glass jug; 9 — glass glass; 10 — jug glass; 11 — glass flask; 12 — amber beads; 13 — bronze buckle; 14 — bronze fibula; 15 — bronze fibula; 15 — bronze fibula; 17—19 — red-lacquer lamps.

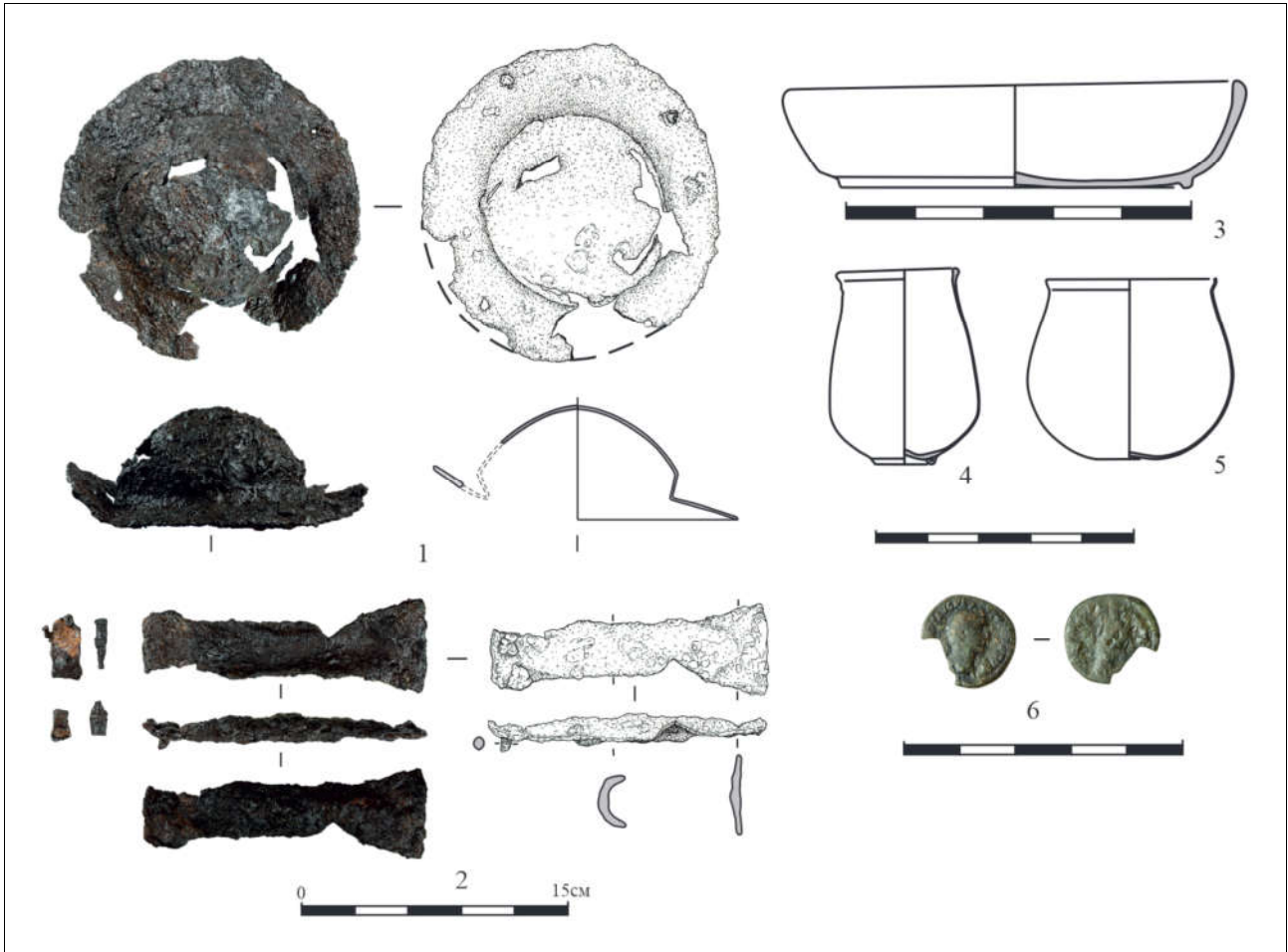

Рис. 3. Находки из могилы № 245 могильника Киль-Дере 1. 1 — умбон железный; 2 — манипула железная; 3 — блюдо краснολаковое; 4 — стакан стеклянный; 5 — кубок стеклянный; 6 — монета бронзовая.

Fig. 3. Grave No. 245 of the Kil-dere burial ground 1. 1 — iron umbon; 2 — iron manipule; 3 — red-lacquer dish; 4 — glass cup; 5 — glass cup; 6 — bronze coin.

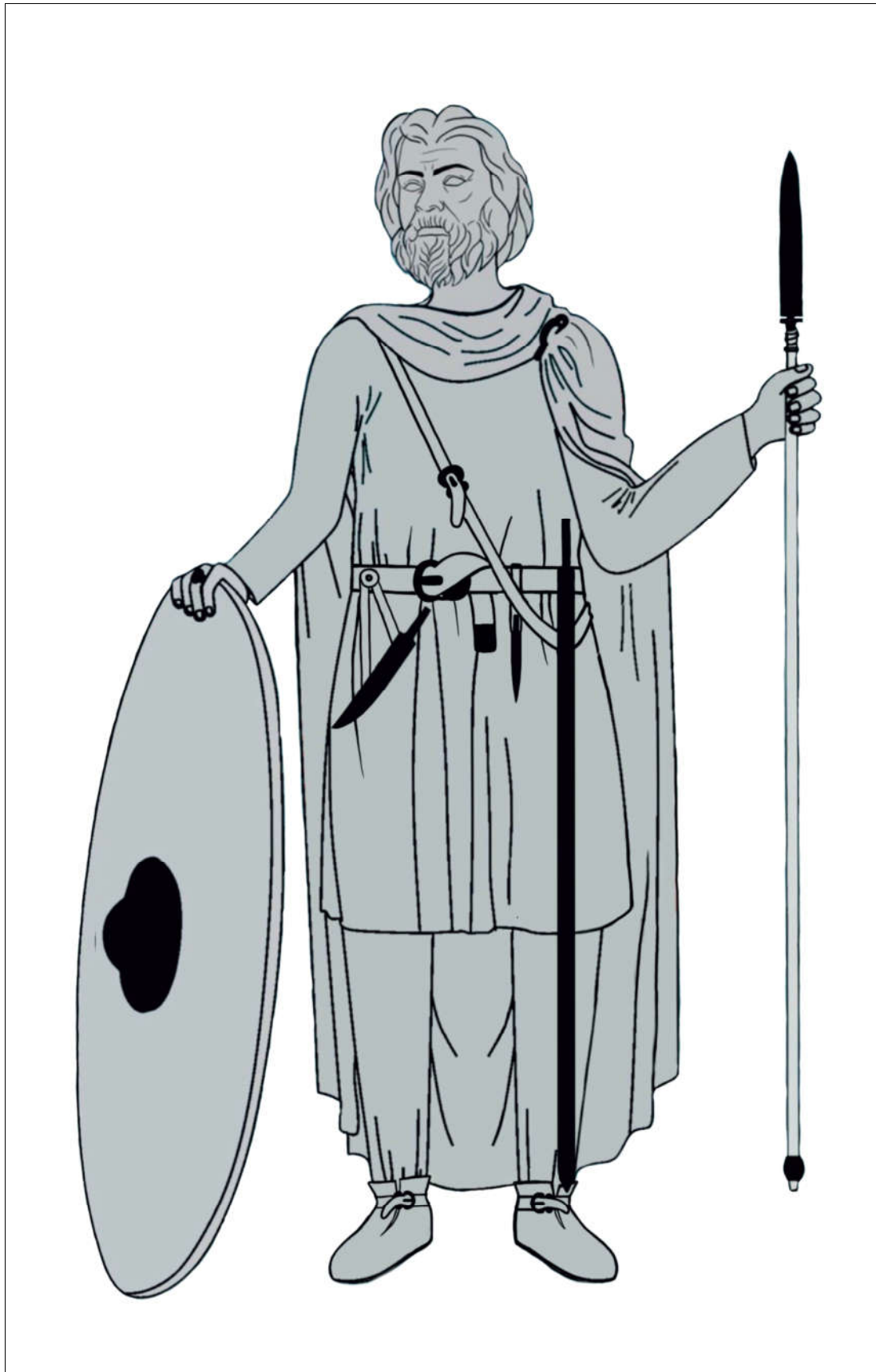

Рис. 4. Реконструкция снаряжения воина из могилы № 41 могильника Фронтное 3.

Fig. 4. Reconstruction of the warrior's equipment from grave No. 41 of the necropolis Frontovoe 3.